

ЭТНОНИМ «РУССКИЕ» В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ПСКОВСКИХ ГОВОРОВ

Статья посвящена исследованию этнонима русские в системе его деривационных и синтагматических связей с лексикой псковских говоров. В работе определено понятие этнонимического поля, дано описание его характеристик. Делается вывод о том, что этнонимическое поле лексемы русские в псковских говорах имеет лексическое наполнение, которое раскрывает особенности традиционной духовной и материальной жизни русского народа.

Ключевые слова: этноним, этнонимикон, этнонимическое поле, лексико-семантическая система.

N. E. Grigorieva

THE ETHNONYM «THE RUSSIANS» IN THE LEXICAL SYSTEM OF PSKOV DIALECTS

The article is devoted to the study of the ethnonym «the Russians» in the system of its derivational and syntagmatic relations with the lexicon of the Pskov regional dialects. The author of the article defines the notion of the ethnonymic field and describes its characteristics. The author concludes that the ethnonymic field of the token «the Russians» in the Pskov regional dialects has the lexical content that reveals the features of Russian people's traditional spiritual and material life.

Key words: ethnonym, ethnonymicon, ethnonymic field, lexical-semantic system.

Этнонимическая лексика является объектом исследования ономастики, которая, в свою очередь, сосредоточивает в себе знания как по изучению собственно имен, так и одновременно привлекает сведения ареальной лингвистики. Псковские говоры в их прошлом и настоящем являются ярким источником для изучения одной из составляющих этнонимической лексики — слов-этнонимов.

На определенной территории исторически складывается своя система этнонимов, отражающих представления об этничности данного территориально-языкового коллектива. Псковский этнонимикон не является исключением, он также содержит в себе этнонаименования разного уровня, особенности которых освещены в ряде публикаций [1, с. 91–96; 2, с. 151–157]. В настоящей статье остановимся на собственно этнониме *русские*, функционирующем в диалектной речи жителей Псковской земли. Отличительной чертой нашей работы является исследование каждого этнонаименования не изолированно, а в его связях (парадигматических и синтагматических), обусловленных лексико-семантической системой псковских говоров.

Известно, что человек осознает себя как часть определенного этноса, а других людей идентифицирует по одному из существенных для языкового сознания признаков — признаку этничности. По словам Т. А. Сироткиной, под этничностью «обычно понимают присущие только данному сообществу людей язык, менталитет, моральное и духовное наследие, знание об этногенезе и особенностях этнокультурного развития» [3, с. 116–117]. Таким образом, наличие этнонима у определенного сообщества людей служит неким маркером для их самоидентификации и принадлежности к конкретной исторической общности. В силу исторических и территориальных особенностей Псковского региона состав его населения представляется в высокой степени полиэтничным, что подтверждается широтой лексического материала псковских говоров, отраженного в Псковском областном словаре с историческими данными [ПОС] и его картотеке [КПОС].

В псковской диалектной речи присутствуют как собственно наименования проживающих на указанной территории этносов: *белорусцы: И биларусцы в ётай дирэвни сабираюцца*. Нев. [ПОС, в.1, с. 164], *латвийцы: Ана́ [дочка] вы́шла за латвийца. Оны́ богаты́и*. Дн. [ПОС, в.16, с. 523], *литовцы: Ох, лито́фцы маклаки́ бы́ли*. Локн. [ПОС, в. 17, с. 95–96], так и этносов, о которых у жителей имеются представления в силу разных исторических событий, а также из информационных и коммуникативных источников: *немцы: Аиши́з при́ехали не́мцы и мяня́ бы́ли, фсе дапра́шивали, ви́дел ли я партиза́н*. Кр. [ПОС, в. 21, с. 155–157], *американцы: Мери́канец при́ехал, гово́рят*. Гд. [ПОС, в.1, с. 63], *грузи́нцы: Бы́ла в Гру́зии, за́муш вы́шыцы бы́ла; и за́мужам грузи́нцы, зна́иш, ни лю́бят яну́*. Дн. [ПОС, в. 8, с. 51], *италья́нцы: А па́том талья́нцы, амери́канцы, францу́зы при́ехали, мно́га их там бы́ла*. Дед. [ПОС, в. 13, с. 356], *кита́йцы: Кита́йцы пра́яжжа́ют на пити́ рас баразду́*. Гд. [ПОС, в. 14, с. 156] и др.

Вслед за наблюдениями Т. А. Сироткиной, которая занимается изучением пермского этнонимикона как полевой структуры, обладающей наличием ядерно-периферийных отношений, семантической общности, частотности, стилистической окрашенности и т. д., мы попытаемся рассмотреть подробнее общеизвестный этноним *русские* (в разных формах), используемый для номинации представителей одного из восточнославянских народов, который будет входить в ядро этнонимического поля, называющего представителей русской национальности: *Я веть ру́ска*. Дед.; *Ета ру́ские бы́ли*. Оп. [КПОС]. Следует отметить, что, несмотря на ядерный характер этнонима, степень его употребительности в речи довольно низкая. Как правило, она связана с четкой ориентацией на определенную ситуацию, которая подразумевает бинарную оппозицию *русские / немцы*, связанную с историческими событиями, характеризующими периоды войны и оккупации псковской территории: *Бы́ла мно́га уби́тых ру́ских люде́й*. Стр.; *Ади́н сказа́л ру́скай, што мы пабяди́м*. Себ.; *Кагда́ ру́ские пришли́*. Остр.; *Приду́т палицэ́йскии, абма́нывали, бу́та ру́скии*. Порх. [КПОС]. Таким образом, приведенные высказывания трансформируют семантику этнонима, сужая его до пределов указания на лицо, военнослужащего, воюющего на стороне «русской» армии.

Наряду с использованием этнонима *русские* в значении ‘военнослужащие’ в псковских говорах встречается также отражение стереотипного восприятия явлений чужого культурного пространства на фоне своего, выражающегося в наличии оппозиций, связанных с социальными категориями: *свой / чужой, мы / они: Нет лу́чиш ру́скава чилаве́ка, ру́ских и нет*. Печ.; *Яму́ ни отказа́ть ни чухну́, ни ру́скаму*. Пск. [КПОС].

Функционирование этнонимов в псковской диалектной речи тесно связано с проявлением гендерного и возрастного признаков (ср. лексемы, зафиксированные в псковских говорах и исследованные нами ранее: *чухо́нец / чухо́нка / чухне́нок*) [1, с. 94], однако особенностью этнонимического блока лексемы *русские* является крайне редкое употребление слов-этнонимов по этим признакам или отсутствию материала вообще. Связано это отчасти с доминированием информантов женского пола. Однако В. И. Даль отмечает лексему *русак* в значении ‘вообще русский человек’ и лексему *русачка* — ‘русская’ [4, т. IV, с. 193].

Признак множественности и собирательности реализуется при субстантивации имени прилагательного: *Наи́шы ру́ские падашли́ к акну́*. Печ.; *Ру́ский глаза́м ня ве́рит, а на́да наши́упать*. Пск. [КПОС].

Диалектная речь отражает использование в сфере этнонимического поля лексемы *русские*, образуя на ее основе словосочетания, связанные с миром традиционных крестьянских реалий, раскрывающих особенности материальной и духовной культуры, поведения этноса в целом. Соответственно, определяемые предметы быта и явления получают свои этнические номинации, которые становятся объектом нашего исследования. Так, в традиционном быту носителей псковских говоров существуют реалии, с помощью которых возможно охарактеризовать уклад жизни псковского крестьянина: *ру́сская пе́чка, ру́сская пря́лка, ру́ское коромы́сло*. Все эти предметы домашнего обихода раскрывают определенные процессы жизнедеятельности этноса в целом, которые, в свою очередь, отражают специфические особенности как самих предметов, так и их наименований, позволяющих вступать в ряды этнических оппозиций.

Например, номинация, характеризующая реалию, занимающую одно из центральных мест в жизни крестьянина, позволяет отразить ее этническую специфику: *Хлѣбы самы пеклі, пѣчки-та рускии были.* Стр.; *Яйшницу ф пѣчках в руских.* Порх.; [Что в доме было?] *А что было? Вот русская пѣчка. Эта вот чило называица, эта пичурка, а вот здесь между пѣчкой и стиной – загѣтак.* Вл.; *А я клала пѣчи руские, диривенскии.* Кр.; *Па-чорнаму тапились, с вытишкой, руских пѣчек мала была.* Дн. [КПОС].

Наименование предмета хозяйственной деятельности содержит определение, выявляющее этническую оппозицию: *Прялки рускии были и чухонки, ф сталанках русская прялка калисо прѣма пирит субой, яна мала мѣста занимаит, лучишы чухонки.* Гд.; *В разобранам види прѣлка руская.* Пск. [КПОС]. В результате исследованного нами лексического материала псковских говоров в языке диалектоносителей наряду с *русской прѣлкой* встречаются номинативные сочетания *немѣцкая прѣлка* и *чухонская прѣлка*, а также однословное наименование *чухонка* как результат универбации: *Прѣлка ручная — самапрѣха, а с калесом — немѣцкая прѣлка.* Гд.; *Прялки ручнии и нямецкии, врятно есь такоѣ, как катушка. У нас фсе больша на нямецких прядут.* Стр.; *Скручена в немѣцкую прѣлку с колесом, руская врушную пряду, веретѣшка такоѣ, конѣц завострѣный, я тожэ знаю прясъ.* Гд.; *Были таки прѣлки ручни и были немѣцки, нагой крутить.* Слан.; *Пряли мы нъ вирятень, патом нъ нямецких прѣлкахъ.* Порх.; *В немѣцких прѣлках личинки, куда кудѣлю-та тискать.* Гд. [ПОС, в. 21, с. 158]; *Харошая прѣлка, прѣлка-чухонкъ.* Пл.; *У нас прѣли <...>, после с чухонскими прѣлками, чухонские прѣлки с колесом.* Стр. [КПОС]. Каждая из рассмотренных реалий имеет свою национальную специфику и ценностную ориентацию, которые раскрывают характерные этнографические особенности разных этносов.

Культурно маркированным объектом, носящим этническую номинацию, является предмет домашнего обихода, имеющий в диалектной речи варианты: *коромысло // коромысел.* Диалектоносители нередко сами подчеркивают существующую в речи этническую оппозиционную множественностью наименований одной и той же реалии: *Эта кѣрамысел, есь на крючках носют, а то на руським носют.* Эст. [ПОС, в. 15, с. 277]; *Эта карамысел, эта чухонски называюца, крючки есьтя, тольки на виревачьках.* Эст. [ПОС, в. 15, с. 277]; *Я утресь карамысла взяла, ева данясла. Эта бывала естоньськии назывались.* Гд. [(КПОС)]. Таким образом, из попытки объяснения, какой реалией пользуется информант, мы получаем сведения, отражающие противопоставленные по этническому принципу номинации: *русское, эстонское, чухонское — коромысла*, что, в свою очередь, подтверждает наличие территориально-языкового контакта между разными этносами.

Наряду с подобными представлениями обо всем русском, с одной стороны, и о каком-то другом — с другой, в сознании русского человека главным является язык, который определяется как часть духовной культуры и как один из отличительных признаков того или иного этноса от другого. В псковских говорах содержится упоминание о *русском языке* как о средстве коммуникации — либо нейтрально, либо преимущественно с положительной коннотацией: *Два языка была: руски и латышки.* Пыт. [КПОС]. Также встречаются упоминания и о других языках, бытующих в сознании и речи информантов: *На каком эта языке будит гаварить, на чухонском.* Гд.; *Тут яшше ачухонский язык, дык ни панять.* Порх.; *Эта не чухонский язык.* Пуст. [КПОС].

В псковской диалектной речи функционируют и другие смысловые филиации, выраженные в субстантивированной форме и обусловленные коммуникативно-прагматическими особенностями речи: *В мяня русский харашо шол.* Дед. [КПОС] — ‘русский язык как учебная дисциплина’.

Языковая составляющая, расширяющая околядерное пространство лексемы *русские*, выражается наречиями *по-русски* и *по-русскому* с разной эмоциональной окрашенностью и наполненностью: *Ен [внук] па-рускаму гварил.* Кр.; *Разгаваривают па-рускаму харашо, латышским языком ни пользуюца.* Кр.; *Фси па-рускаму гаварят.* Кр.; *Па-рускаму как ругаць.* Порх. [КПОС]; *Был Китай-пиривочык, знал па-руски.* Пск. [КПОС].

Одной из отличительных составляющих духовной культуры любого этноса является сфера народного творчества, в частности пение и танец. Так, псковская диалектная речь сохраняет номинации танца с этнонимическим компонентом или отэтнонимной основой — сочетанием плясать / танцевать *русского*: *Давáй-ка драбанем, вылязáй, рас танцывáть хочишь. Давáй-ка рускава*. Кар.; *Как рускава плисáть*. Порх.; *Рускава плисáли. Типёрь цыгáночка, а рáньшы рускава назывáли*. Палк.; *Я харашиó плясáла, рускава любíла*. Стр.; *Рáшьшы танцэвáли кракавяк, карóбьчку, тусцэп. Плясáли рускава, казачкá, мятэлицу*. Стр.; *Кракавяк танцэвáли, закáжыть рускава, закáжут*. Кр. [КПОС]. Приведенные диалектные высказывания отражают субстантивацию с морфологически ограниченной парадигмой существительного — формой винительного падежа («танцевать / плясать *русского*»). Другой путь образования субстантивного наименования отражает номинация *русянка* — ‘русский танец’ как следствие универбации: *Русянку танцэвáли — адíн танцўит, другóй падмяняйт ягó*. Печ. [КПОС].

Для наименования танца используется сочетание *русский месяц*: *Хадíли в дом культўры, там танцэвáли руский мёсяц, кадрэль, игрáли танор. Мянá ни вызывáли тудá, я плясáла рускава*. Печ. [КПОС]. В данном словосочетании *русский месяц* наблюдается факт контаминации, позволяющий выявить ассоциативное смешение сочетания *русский танец* с русской народной песней «Светит месяц, светит ясный...», под мелодию которой исполнялся танец (ср. также типологически сходные наименования танцев: *метелица, семеновна*).

Одной из составных частей материальной культуры русского этноса является традиционная одежда, описание которой мы также наблюдаем в этнонимических контекстах псковских говоров: *русятка* — ‘рубаша без воротника’: *Русятку одёнъ*. Пск. [КПОС]. Наречие *по-русски* позволяет воссоздать внешний образ человека, склонного одеваться в традиционную русскую одежду (что, судя по контексту, вызывает уже неодобрительную оценку): *Я пасматрjú, Анна Канорашióфская сафсём раслáбилась, ужэ стáла па-руски хадíть*. Пск. [КПОС]. В словаре В. И. Даля встречаются и другие лексемы, называющие одежду представителей русского этноса: *русская рубаша* (без указания места), мужская — ‘косоворотка’; женская — без ворота в противоположность польской, имеющей ворот; *русский сарафан* (с пометами арх., южный) — в отличие «от московского, круглого, клинчатого, закрытого (высокого)», «обложенный спереди в два ряда гарусной тесьмой, с пуговками посредине»; зафиксирована также лексема *русак* (без указания на место распространения), обозначающая сукно «из русской шерсти, серое, крестьянское, узкое, в 5 вершков» [4, т. IV, с. 193].

В псковских говорах отмечена лексема *русман* — в значении ‘русские солдаты’: *Фсе русмáны бýли*. Печ. [КПОС]. Очевидно (судя по месту фиксации), указанная номинация является не самоназванием и могла появиться в иноязычной среде. М. Фасмер приводит номинацию *русманка* в значении ‘русская из центральных областей’ [5, т. III, с. 521]. Однако это слово, хотя и системно связано с псковским, но, по предварительным данным, составляет периферию этнонимического поля этнонима *русский*, т.к. не зафиксировано в лексике псковских говоров, хотя потенциально возможно. Сюда же можно отнести и следующие лексемы, отмеченные в других источниках. Собранные В. И. Далем этнолексемы расширяют ряд наименований для лиц мужского пола: *русак* — ‘вообще русский человек’, шутч. *русанём* [4, т. IV, с. 193]. Этот ряд можно дополнить лексемами, отмеченными М. Фасмером: *русонет, русонет* в значении ‘иногородний, не казак’ с коннотативной и территориальными пометами «презрит., курск., донск.» [5, т. III, с. 521]. Завершает ряд оценочных наименований гендерно противопоставленные единицы, отмеченные Х. Вальтером и В. М. Мокиенко в Большом словаре русских прозвищ: *русак* прост. в первом значении ‘русский; человек с ярко выраженными чертами русского народного характера’, *русáчка* прост. в первом значении ‘русская’, *русачók* — прост. ум. *русак, русопяты́й* прост. ‘типично русский (по внешности, по духу)’ [6, с. 477].

Изученный языковой материал показывает, что функционирующие в языке псковских жителей названия народов могут находиться друг с другом в определенных отношениях, основанных на принципах семантико-деривационных связей, а также на отношениях сходства или противоположности, что тоже структурирует этнонимическое пространство поля.

Среди явлений синонимического характера, представленных в псковском этнонимиконе, для этнонима *русские* употребляется лексема *российский* (вариант *россейский*): *Мы фсе расейские*. Палк. [КПОС].

Как отмечает В. И. Супрун, антонимы в этнонимической лексике встречаются крайне редко, они представлены единичными антонимами «дихотомического деления понятий: русские — нерусские» [7, с. 56], которые обусловлены логичным противопоставлением в сознании, но не всегда это противопоставление есть в языке. Псковские говоры подтверждают данное утверждение. Лексемы *руссий* / *неруссий* образуют этнонимическую пару, определяющим признаком которой является лицо русской национальности, противопоставленное лицу другой, нередко неизвестной или сознательно не названной, национальности: *Наёхафшы тудá и няруськы, фсякы там*. Печ.; *Не любíи неруських, ни надёлл бы делóф*. Дн. [ПОС, в. 21, с. 227]. Рассмотренная этнонимическая пара представляет собой имплицитное противопоставление, раскрывающее принцип этнотерпимости.

Таким образом, мы полагаем, что представленный фрагмент выстраиваемого этнонимического поля лексемы *русские* имеет достаточно активное лексическое наполнение, сконцентрировавшее в себе языковые номинации разных частей речи с отэтнонимной основой: прилагательные, наречия, существительные, в том числе и субстантиваты, устойчивые номинативные сочетания. Они образуют смысловое поле, где языковые репрезентации представлены с некоторыми лакунами, которые позволяют установить несимметричность номинаций, выражающих противопоставления. Вместе с тем рассмотренное этнонимическое поле с базовым этнонимом *русские* имеет важное значение для понимания определенных особенностей сферы духовной и материальной жизни русского народа (в том числе и псковичей), которые связаны с хозяйственными процессами: прядением и ткачеством, ведением домашнего хозяйства, а также организацией традиционных форм отдыха, других культурных традиций. Особенную роль в жизни русского народа занимает военная тематика, которая активизировала этнонимическую номинацию, с ее помощью раскрываются межнациональные и межэтнические отношения в регионе.

Сокращения

КПОС — Картотека «Псковского областного словаря с историческими данными» (хранится в Псковском государственном университете и в Межкафедральном словарном кабинете им. проф. Б. А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета).

ПОС, выпуск, страница — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1–23. – Л. (СПб.): ЛГУ (СПбГУ), 1967–2012 (издание продолжается).

Литература

1. Григорьева Н. Е. Об этнонимах в лексико-семантической системе псковских говоров // Лексикология. Лексикография (Русско-славянский цикл) / Отв. Ред. Т. С. Садова; Русская диалектология: памяти В. И. Трубинского / Отв. ред. О. В. Васильева: Материалы секций XL Международной филологической конференции, 14–19 марта 2011 г., С-Петербург. СПб. 2011. С. 91–96.
2. Григорьева Н. Е. Этнонимы в диалектной лексико-семантической системе (состав, функционирование, лингвопрагматические особенности) // Русский язык и литература в поликультурном коммуникативном пространстве: Материалы Международной научной конференции (26–28 апреля 2012 г., Псков): в 2-х частях. Часть 1 / Отв. ред. Н. В. Большакова. Редакционная коллегия: В. К. Андреев, Н. Л. Вершинина, Л. Я. Костючук, И. В. Мотеюнайте, Т. Г. Никитина, Н. И. Яковлева. Псков: Издательство ПсковГУ. 2012. С. 151–157.
3. Сироткина Т. А. Категория этничности и локальная картина мира // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2008, Выпуск 20. № 12 (113). С. 116–120.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. М.: Астрель, 2003.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х томах. М.: Астрель, 2009.

6. Вальтер Х., Мокиенко В. М. Большой словарь русских прозвищ. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.
7. Супрун В. И. Особенности выделения лексико-семантической группы этнонимов // Семантико-системные отношения в лексике германских и романских языков. Волгоград, 1981. С. 52–65.
8. Сироткина Т. А. Региональный этнонимикон как полевая структура // Вестник Пермского университета. Сер.: Российская и зарубежная филология. 2009. №4. С. 33–38.